

Глава 19. Ветер и дождь. Одиннадцать

Мэн Хуань скользнул по нему взглядом, придвинул стул и сел — нога на ногу, весь вид ленивый и безмятежный.

— Таким, как мы, военным, разве привыкнешь к столичной неге? Нам только на поле боя и место — рубить да колоть!

Лянь Шэнь скривил кислую мину:

— Ты уедешь — кто меня развлекать будет?

Мэн Хуань указал на Чомань:

— Она.

Чомань прыснула:

— Лянь Шэнь, бери пример с Хацзиэра! Настоящий мужчина должен идти на войну, как мой Ачи-гэ. А такой, как ты — мягкий да вялый, хуже ханьских женщин: тебе только в тереме вышивать!

Лянь Шэнь не решился перечить этой барышне — поднял руки, сдаваясь:

— Помилуй, молодая госпожа! На облавной охоте подстрелить пару горных куронок — это я ещё могу. Но на поле боя — уволь меня.

Хлопнув Мэн Хуаня по плечу, добавил:

— Если уж честно — Чэнь Дяоянь и так дышит на ладан. Рваться туда сейчас — пустое дело.

Мэн Хуань велел слуге убрать со стола книги и свитки.

— Знаю. Так, к слову пришлось. Чэнь Дяоянь только с виду держит десятки тысяч войска — на деле это сброд, который никуда не годится. Его сестра Чэнь Дяохуа и дядя кое-чего стоят, но мелко плавают: каждый пялится на свой клочок власти, воображает себя полководцем. Стоит посеять между ними раздор — всё рассыплется.

Он чуть повернул голову в сторону Чомань:

— Его Величество отправил генерала Гао и генерала Ваньчжэбаду. Не пройдёт и трёх месяцев — Чэнь Дяоянь будет схвачен. А пошли генерала Баяня — и месяца не потребуется, взяли бы живьём. Но зачем пускать в ход меч-великан, чтобы зарезать курицу?

Услышав похвалу своему Ачи-гэ, Чомань расплылась в улыбке — глаза превратились в лукавые полумесяцы. Сорвала виноградину и поднесла к губам Мэн Хуаня. Тот взял и съел.

Лянь Шэнь перехватил этот непринуждённо-близкий жест — брови поползли вверх.

— Ну и ну, Хацзиэр! Тело в Даду, а душа — на военном плацу. Сам поехать не можешь, зато каждого мятежника изучил вдоль и поперёк.

— Толку-то с этого, — отозвался Мэн Хуань.

Чомань немного помолчала.

— Хацзиэр, уже октябрь. Остайся в Даду, встретить Новый год — а потом, если снова понадобится на войне, тогда и езжай. Договорились?

— Это уж как генерал Баянь решит.

Чомань сморщила носик:

— Вот пойду и поговорю с Ачи-гэ! Посмеет только до Нового года тебя выслать — стащу всё его вино и спрячу. Пусть сидит ни с чем!

Лянь Шэнь грянул хохотом. Во всём свете нашлись бы единицы, кто осмелился бы так командовать генералом Баянем.

Мэн Хуань ткнул его ногой:

— Ты зачем вообще пришёл? Что-то задумал?

— Было кое-что, — Лянь Шэнь украдкой покосился на Чомань, — да теперь расхотелось. Может, соберём компанию — в цзюй сыграем?

По одному только виду Лянь Шэня Мэн Хуань всё понял: девяносто девять шансов из ста, что тот замыслил пойти в цветочный дом. Просто не ожидал застать здесь Чомань — теперь с девушкой под боком никуда такого рода не сунешься.

Чомань в повадках этих избалованных сынков разбиралась отменно — сразу раскусила, что к

чему. Влепила Лянь Шэню звонкий щелбан по затылку, скрутила ухо:

— Не смей портить Хацзиэра!

Лянь Шэнь взвыл:

— Ай, молодая госпожа, отпусти, больно! Не пойдём, не пойдём — цзюй, только цзюй, хватит тебе?

— Цзюй так цзюй, вперёд! — Чомань, не выпуская уха, поднялась и через плечо махнула рукой:
— Пойдём, Хацзиэр.

Мэн Хуань усмехнулся и двинулся следом.

***

После того как Мэн Хуань ушёл, Сун Чжи поначалу только притворялся спящим — не хотел иметь с ним никакого дела. Горечь от лекарства никуда не делась. Он просто лежал, но незаметно для себя начал проваливаться в дрёму: веки налились свинцом, мысли поплыли. Когда Цино явился с засахаренными фруктами, Сун Чжи уже едва держался.

— Сун Цзилань! — Цино ввалился в комнату и окликнул его.

Голос у него был зычный — разом выдернул Сун Чжи из полусна. Тот поднял голову, ещё не вполне соображая, но стоило увидеть, кто именно ввалился, — последние остатки дрёмы как рукой сняло.

— Молодой господин ещё что-то велел передать? — Сун Чжи потёр лоб, голос сел.

Цино сунул ему сладости с видом человека, которому это дело поперёк горла:

— Пожалование молодого господина!

Сун Чжи уставился на то, что оказалось у него в руках, и застыл.

Засахаренные фрукты?

Цино смотрел на его обалделую физиономию и только укреплялся во мнении: тупее человека свет не видал. Даже спасибо за пожалование сказать не может. Не скрывая раздражения, бросил:

— Передал — и ухожу.

Сун Чжи опустил голову, чуть поджал губы.

—... Передай молодому господину мою благодарность. Что специально прислал — это лишний труд был.

Цино фыркнул — и повернулся прочь.

Ляньэр была девушкой мягкой и наблюдательной. Заметив недовольное лицо Цино, она решила, что Сун Чжи его чем-то задел. Как только тот ушёл, приоткрыла дверь и тихонько спросила:

— Господин Сун, что случилось?

Сун Чжи Ляньэр прежде не видел — снова растерялся:

— Вы...?

Ляньэр улыбнулась краешком губ:

— Зовите меня просто Ляньэр, господин. Молодой господин приказал мне впредь ухаживать за вами.

Слишком много новостей разом. В голове у Сун Чжи стоял туман — мысли не ворочались, не справлялись с таким потоком. Он откусил кусочек засахаренного фрукта: горечь немного отступила, во рту стало легче. А вместе с ней пришла мысль, что Мэн Хуань, пожалуй, не такой уж невыносимый человек. Ответил:

— Ничего. Идите, я хочу отдохнуть.

Ляньэр была не чета Цино: она находила растерянный вид Сун Чжи трогательным — даже мило. Снова улыбнулась:

— Вы приняли лекарство — конечно, нужно как следует отдохнуть. Я буду здесь, снаружи. Если что понадобится — только позовите.

Дрёма накатила снова. Сун Чжи кивнул, а расторопная Ляньэр тут же шагнула вперёд и забрала у него из рук свёрток с лакомствами:

— Спите, господин.

Он кивнул — и провалился в сон.

Ляньэр взвесила на ладони объёмистый кулёк с засахаренными фруктами и вспомнила: именно это было у Цино в руках, когда он входил. Значит, Цино специально пришёл — чтобы передать сладости?

Она обдумывала это. Когда заболел — пришли проведать. Позвали доктора Пэй Я. После того как выпил лекарство — специально прислали сладости. А теперь её приставили ухаживать день и ночь.

... Это вовсе не похоже на человека, которым пренебрегают.

На самом деле Сун Чжи появился в поместье Мэн всего несколько дней назад — а уже о нём знали все до последнего слуги. Ничего удивительного: такого человека здесь прежде не бывало. Одно дело — разозлить Мэн Хуаня раз-другой, но этот умудрялся делать это через день. И вдобавок — учёный. А уж кто в поместье Мэн не слышал, что Мэн Хуань терпеть не может учёных?

Весь дом уже потирал руки в ожидании зрелища. Поспорили — дойдёт ли дело до того, что Сун Чжи вылетит отсюда на своих ногах или вынесут его ногами вперёд. Восемь человек из десяти ставили на второе.

«Что ж, — подумала Ляньэр, — на этот раз никто молодого господина не разгадал».

Она посмотрела на спящее лицо Сун Чжи, приложила ладонь к его лбу. Жар спадал — уже не такой обжигающий, как раньше, но всё равно горячий. Пока он приподнимался, одеяло съехало и обнажило плечо. Ляньэр подтянула одеяло, принесла тазик с водой, намочила и сложила полотенце — аккуратно положила ему на лоб.

«Вот от чего теперь зависит моя судьба», — подумала она.

В детстве Ляньэр продали в поместье Мэн — жилось сносно. Но потом она чем-то прогневала Доэрши, и с тех пор стало куда тяжелее. Теперь её приставили к Сун Чжи — это её шанс выбраться наверх. Упустит — неизвестно, когда выпадет следующий.

Убрав лакомства в сторонку, Ляньэр осмотрела комнату. Чуть лучше, чем у рядовых слуг, — но ненамного. Сун Чжи, несмотря на учёный вид, жил один — и держал всё в образцовом порядке, чистоте. Не как большинство мужчин. Прибираться тут было, собственно, незачем.

Комната небольшая, зато стеллаж огромный — уставленный по большей части недавно купленными книгами. Ляньэр грамоты не знала, никогда не училась, — но при виде этого полного стеллажа у неё перехватило дыхание. Вот оно, подумала она, вот что значит настоящая учёность.

Бросив ещё один взгляд на спящего — тот спал крепко, — Ляньэр на цыпочках вышла и притворила дверь.

***

Сун Чжи проспал несколько часов. Сны были странные, пёстрые. То он как будто снова в детстве в Линьане — город жил полной жизнью, здания здесь были изысканней и изящней, чем в Даду, где всё казалось грубее, основательнее.

То вдруг — Тунлин. Лет шести-семи от роду. Отец, Сун Сюэнь, ратовал за продолжение войны — и за это поплатился: слетел с пятой ступени чиновничьей лестницы в Линьане до должности заурядного уездного начальника. Тунлин был далёк от Даду во всех смыслах. Маленький Сун Чжи тогда закатил настоящий скандал — не желал расставаться с линьаньскими друзьями, ревел, — но ничего не добился: семья всё равно перебралась в тот захолустный уезд.

На первый год Дэюань, когда монгольские войска дошли до Тунлина, Сун Сюэнь — человек гражданский, далёкий от ратного дела — тем не менее намертво вцепился в свой долг: решил разделить судьбу уезда до конца. Сун Чжи было одиннадцать лет. Вместе с матерью он покинул Тунлин — и пустился в бегство. В жаркой полудрёме сна ему казалось, что те дни вернулись: поначалу ещё удавалось есть досыта, но потом становилось всё голоднее. Маленького господина укрывали в крытой повозке. Когда он поднимал голову от материнского плеча и смотрел в щели между занавесками, снаружи мелькали тощие до костей беженцы, звероватые разбойники, монгольские солдаты с перекошенными яростью лицами. И кроме всего этого — бесконечный плач и вопли семейных слуг.

Преданные слуги гибли один за другим. Сун Чжи, ещё не понимая по-настоящему, что происходит, ощущал это как глухой страх — смутный, неоформленный, и от этого ещё более давящий.

Сун Чжи очнулся — день уже угасал. Тонкая полоска закатного золота почти стояла с подоконника. Солнце клонилось за западные горы. Первая зимняя стужа осталась за окном: в комнате, оказывается, кто-то успел затопить печь — было тепло.

Он провёл ладонью по щеке — пальцы наткнулись на холодные дорожки слёз. Картина гибели матери стояла перед глазами, как будто случилось это вчера. Вот уже четыре года эта боль не отпускала — грызла и грызла изнутри, не давая покоя ни днём ни ночью.

Он опустил голову, вытер лицо рукавом. Потом откинул одеяло и встал, намереваясь выпить воды. Взялся за чайник — и обнаружил, что тот пуст: как ни наклонял, ни капли не вышло.

Сун Чжи вздохнул, накинул верхний халат и вышел — и тут же увидел у двери служанку, сидевшую на страже.

Спросонья он не сразу сообразил, кто это.

Ляньэр при его появлении вскочила, расцвела улыбкой:

— Проснулись, господин? Что-то нужно?

Сун Чжи потёр лоб, с трудом восстанавливая в памяти, кто перед ним.

— Хочу воды, — наконец произнёс он, — а в комнате кончилась.

— Поняла, господин. Заходите, я принесу. — Добавила: — Вы, верно, голодны? Схожу на кухню, принесу каши.

Только теперь Сун Чжи понял, что и в самом деле голоден. Кивнул:

— Спасибо.

Когда он повернулся, Ляньэр заметила, что ноги слушаются его с трудом, — шагнула ближе и подставила руку:

— Позвольте, помогу.

Тот чуть поджал губы и слабо улыбнулся:

— Благодарю.

— Ну что вы, господин, — засмеялась Ляньэр, — молодой господин приказал мне заботиться о вас. Это мой долг.

Сун Чжи был слаб — говорить не хотелось. Слегка кивнул и тихо произнёс:

— Называй меня просто по имени. «Господин» — это слишком. Я Сун Цзилань.

Ляньэр помогла ему добраться до кресла:

— Как же так можно? Я служанка — это выйдет не по чину.

Когда он устроился, она сказала:

— Я ненадолго. Подождите — скоро вернусь.

Ляньэр принесла воду, усадила его за кашу. Сун Чжи осилил полмиски — и задремал снова. Она уложила его.

***

В час ю Мэн Хуань поужинал с приятелями после игры в цзюй и вернулся домой, когда уже совсем стемнело. Собирался идти к себе, но ноги сами — он и сам не заметил как — принесли его к покоям Сун Чжи.

Ляньэр при виде Мэн Хуаня внутренне вздрогнула — и тут же отвесила почтительный поклон.

От Мэн Хуаня несло вином, щёки порозовели от хмеля — но голова была ясная. Он отмахнулся от поклона и тихо спросил:

— Спит ещё?

<http://bllate.org/book/17487/1695504>